

op. 558

vn 5 - 17

q. 558
v 5

14 m.

ф. 558
н 5

Енар
67

призри престолюбное
Варлаама пусуиито
табеса
герничу
на 17 листах

енарх. 67

С. Мочев прощ. Коп. № 17. и Коп. № 18 / 30 коп.
 2. 1326 коп. 1. 3300 коп. / 3300 коп. 3300 коп.

подобного
истынногитая

царь, показывая:
однако должно
ншынему виду, а
качества

344

кий и главный
 ното царь в хань
 уть в сопровожде-
 ни, то на пути
 одртыль в ро-
 а и имитирует
 злучилось так, что
 в этих ирониче-
 лотъ твлекать
 и трудом. По-
 зувидеть их, том
 колесницы и,

царь
 на
 ний
 вен
 цан
 худы
 царь
 моде
 мжен
 Это
 гал

© The Tiffen Company, 2007

упавъ на землю поклонился имъ; вставши же обнявъ ихъ и весьма дружественно об-
лобизавъ. Вельможи и бояре, считая такой поступокъ недостойнымъ царевою славы, ста-
ли негодовать на царя; но не смѣя изобличить
его прямо въ лицо, просили его родного брата
передать ему, что бы онъ не оскорблялъ такъ
высоты своего цареваго вѣнца. Когда онъ
скажалъ это брату и упрекнулъ его въ не-
уваженіе къ смиренію, то царь далъ ему от-
вѣтъ, котораго братъ его сразу не понималъ.

У этого царя была такая обычай: когда
онъ осуждалъ кого нибудь на смерть, то къ две-
рямъ дома осужденнаго всегда посылалъ главо-
ная въ цѣтованнаго на то трудова. По звуку
этой трубы все знавали, кого царь осуждаетъ
на смерть. По наступленіи вечера, царь посылалъ
труду смерти протрубить предъ дверями
дома своего брата. Когда послы дѣи цѣлеханъ
звукъ трубы, то опоясавъ въ своей зинки и въ
кожѣ дѣла въ распоряженіи относительно своихъ
домашнихъ дѣлъ. По наступленіи же утра,
облечивъ въ черныя и темныя одеяны, въ
женю и дѣтвѣмъ онъ отправивъ къ дверямъ
дворца въ плачь и рыданіемъ. Но царь вель

2
по внутри дворца и, видя такъ сильно рыдаю-
щихъ, скажалъ: „о неразумный и беземысленный!
Если ты такъ испугался грома, послан-
наго твоимъ единоутробнымъ братомъ, то от-
ношенію къ которому ты, какъ тебѣ извѣстно,
не равнаешь ни одного проступка, то какъ же
ты укоряешь меня въ томъ, что я со смиреніемъ
облобизываю проводящихъ Бога моего, грѣше-
труды вознѣшавшихъ лѣтъ смерти и грозное
присещеніе моего Владыки, предъ которымъ
я, знаю, совершилъ множество величайшихъ
грѣховъ? Желая обличить такое мое не-
разуміе я и воспользовался этимъ способомъ,
равно какъ обличу и нагавившихъ тебѣ порчи-
цать меня.“ — Соплавиши такое наставленіе
своему брату и нѣмъ принеся ему пользу,
царь отпустилъ его домой.

Послы этого царя приказали со-
латъ четыре деревянныя лѣнцы. Оковавши
два изъ нихъ со вѣвъ стороны золотомъ и по-
ложивши въ нихъ жловонный кости мертвыхъ,
онъ заколотилъ золотыми гвоздями; другіе же
два обматывалъ смолою и дѣлалъ и, наполнявши
драгоценными камнями, многоцѣнными вѣсѣ-
ромъ и всякими благоуханіями, заведомъ воло-

ахнкими веревками. Потом онъ пригласилъ вель-
можъ, порицавшихъ его за вѣрнѣе съ упоми-
нанными мурками, и положилъ предъ ними гонимы-
е амуны, что бы они опредѣлили, какой чины
достойны первые два и какой другіе два. По ро-
логенныя амуны вельможи признали очень
чуждыми: „достойны эти амуны“, сказали
они, „того, что бы класть въ нихъ царскія вѣн-
цы и поясы“; амуны же, обложенныя смолою
и дегтемъ, были признаны ими за дегтевыя и
никуда негодныя. Тогда царь сказалъ имъ: „и
я знаю, что вы скажете именно такъ, потому
что вы чувственными очами понимаете чувстви-
тельны только вещи; но не такъ слѣдуетъ посту-
пать: нужно внутренними очами смотреть
на внутренъ лежащее, достойно ли оно чести,
или нѣтъ.“ Потомъ онъ приказалъ открыть
порюженныя амуны. Лишь только ихъ откры-
ли, какъ изъ нихъ пахло страшное зловоніе
и глаза представились безобразное зрѣлище.

Царь сказалъ: „это - подобіе людей, обле-
ченныхъ въ святая и блестящая одеяныя и
гордащихся великою славою и силою; внутри
же исполнены лихорадочнаго зловонія,
мертвыхъ и гнилыхъ дѣлъ.“ - Далѣе царь

3
приказалъ открыть осмоленныя амуны и обра-
довалъ вѣкъ приευтѣловавшихъ. Блестящія и
благонѣмныя лежащія въ нихъ предметы:
„Знаете-ли“, воскликнулъ онъ, „кому это подоб-
но? - подобно тѣмъ смирненнымъ и въ худыя
одежды облеченнымъ муркамъ, за которыхъ вы,
смотря на ихъ античный видъ, порицали меня,
что я поклонялся имъ до земли. Я же, духовны-
ми очами провидя ихъ достоинство и душев-
ную красоту, проявлялъ прикосновеніемъ ю-
нать и сажалъ ихъ болѣе почетными, чѣмъ всякая
корона и всякая пурпуровая царская одеяда.“
Такимъ образомъ царь пристыдилъ вельможъ
и научилъ ихъ менее обращать вниманія на
то, что бросается въ глаза, а смотреть на
то, что представляется разуму.

2. Притча о единорогѣ, цѣлующей
жающую людей сильно прищипываю-
щуюся лютую ко предметамъ
настоящей жизни. Притча о единорогѣ
ср. 30 г.

Люди, рабоблптующіе зловредному
и лукавому владыкѣ, и неразумно удаляющіеся
отъ благаго и человеколюбиваго; - привадились

къ настоящимъ вещамъ, а не сколько не помини-
уще о будущемъ; — безпрестанно пользуясь плот-
скими удовольствиями, души же свои оставляю-
щие въ мучении голодомъ и въ страданияхъ отъ
бесчисленныхъ скорбей, — такие люди, по справед-
ливости, кажутся подобными тому гонимцу, кото-
рый убегаетъ отъ лица влишняго единорога, не
вынося звука его крика и страшнаго его рыка-
нія; но убегая, чтобы не сдаться его добычею,
во время влеченія вѣка, упалъ въ болышую про-
пасть. Распростерши руки во время паденія
и разрывавшись о дерево, онъ крепко схватился
за него, а ноги поставилъ какъ-то — то торопясь
и думая, что остальное все спокойно и
онъ находится въ безопасности. Взглянувши
же онъ увидѣлъ два мѣла, одну высокую, а
другую низкую, постоянно подпиравшихъ ко-
рень того дерева, за которое онъ держался, и
уже не далекихъ отъ того, чтобы совершенно
подорвать его. Посмотрѣвъ же на это про-
пасть, онъ увидѣлъ тамъ страшнаго, дышу-
щаго огнемъ дракона съ ужасными пазами
и огромнымъ ртомъ, идущаго пожирать его.
Обративъ свой взоръ на то основаніе, на ко-
торомъ стояли его ноги, онъ увидѣлъ головы

4
четыре аспидовъ, вступившихъ съ стѣны, у кото-
рой онъ стоялъ. Поднявши опять глаза свои вверхъ,
онъ увидѣлъ, что съ вѣтвей дерева падаютъ неболь-
шія капли меда. Оставивъ работу оъ окружавшихъ
его опасностями и увидѣвъ, что надъ нимъ находит-
ся страшно вѣшанный единорогъ, хотѣвшій по-
жрать его, а внизу еднѣй драконъ, разрывающій
свою пасть, чтобы поглотить его; это дерево,
за которое онъ держался, готово было упасть;
ноги же стояли на скользкомъ и ненадежномъ
основаніи, — увидѣвъ обо всемъ этомъ цѣлѣнннхъ
къ сладеи нѣсколькихъ капель меда.

Это — подробы людей, которые привѣщаютъ
ся къ предметамъ настоящимъ и не думаютъ
же этому такое: единорогъ — образъ смерти, ко-
торая вѣчно предвѣщаетъ смертный родъ
человѣческой и старается его уничтожить; про-
пасть есть міръ, полный всякаго рода зломъ и
смертоносныхъ стѣнъ; дерево, которое безпре-
станно подпираютъ два мѣла и за которое
мы крепко держимся, есть время жизни
каждаго человѣка, сокращающее и непремѣнно
гасящее дня и ноги и по немному приближаю-
щееся къ совершенному уничтоженію; четыре
аспиды обозначаютъ естественнаго человѣческаго тѣла
и четыре типичныя и неосознанныя

стихий, по волеизъявлению и неповиновению которых разрушается и самый составъ тѣла. Сообразно со всемъ этимъ и страшный, дышущій огнемъ драконъ изображаетъ собою ужасное гребно ада, съ немеловитами спускающимися принять нѣтъ, которые настоящія удвоительная предпочтительны будущему блаженству. Наконецъ теленгъ съ дерева капель меда показываетъ величайшую сладость удвоительной мѣры его, которою онъ обольщаетъ любящихъ его и не позволяетъ имъ заботиться о своемъ спасеніи.

3. Притча о челоѣкѣ, имѣвшемъ
трехъ друзей, показывающая, на сколь-
ко добродѣтель премируетъ
предъ богатствомъ.

Люди, любящіе удвоительная зныны и наслаждающіеся въ прелесть, все тѣмное и скоропереходящее предпочитаютъ будущему и непоколебимому, подобны нѣкоторому челоѣку, имѣвшему трехъ друзей, изъ которыхъ одинъ онъ почиталъ отъ всего сердца и любилъ столь сильно, что готовъ былъ за самую смерть вертѣться за нимъ и зацѣплять нѣтъ въ опасности; къ претѣлу же отнѣсившейся пренебрежительно, никогда не удостоившая

его ни потести, ни надлежащей любви, кромѣ радъ самой малой доли и притомъ лицемерной дружбы. Однажды пришли къ такому челоѣку страшныя и ужасныя войны, сплывайте, какъ можно скорее, отвесили его къ царю за тѣмъ, чтобы онъ далъ откупъ о долѣ въ тысячу талантовъ. Находясь въ такомъ спешительномъ положеніи, онъ искалъ себѣ помощника, который бы могъ оказать ему помощь въ страшномъ ~~откупѣ~~ предъ царемъ. Подъѣхавши къ первому и приятнѣйшему изъ трехъ своихъ друзей, онъ говоритъ ему: „ты знаешь, другъ мой, какъ я всегда получалъ отъ тебя за тебѣ; теперь же, въ нынѣшній день я рѣшился требовать отъ тебя помощи въ случившейся со мной нуждѣ. Какую же ты помощь обѣщаешь мнѣ нынѣ и насколько я могу надѣяться на тебя, любезнѣйшій другъ?“ Въ отвѣтъ на это тотъ сказалъ ему: „я не другъ твой, челоѣкъ, и не знаю, кто ты! Я имѣю теперь другихъ друзей, съ которыми долженъ сегодня вселиваться и которыхъ я наипрѣдѣ и впередъ почитаю за друзей. Вотъ, могу дать тебѣ два рублика для пути, по которому ты идешь, но они не принесутъ тебѣ никакой пользы;

Больше же этого не жди отъ лека никакой другой помощи. Чувствуя такой отвратъ и отчаявшись въ помощи, которую надеялся получить отъ друга, онъ спешитъ къ другому своему другу и говоритъ: „вспомни, другъ, сколько ты получил отъ меня чести и благодарностей! Сегодня же, когда со мною случилось великая беда, я требую отъ тебя помощи. Скажи же мнѣ: насколько теперь ты можешь помочь мнѣ?“ Тотъ отвѣтилъ: „сегодня мнѣ некогда помогать тебѣ, потому что и я, находясь теперь въ пеклѣ и кляну, сильно озабоченъ. Если я не скоро пойду съ тобой, то не принесу тебѣ никакой пользы, а возвратившись скоро домой буду заботиться о своихъ собственныхъ нуждахъ.“

Итакъ, возвратившись отъ своихъ друзей съ пустыми руками и оставленный вѣками, наконецъ, съ которыми случилось несчастье, сталъ благодарить себя за тщетную надежду, которую онъ полагалъ на своихъ несправныхъ и неблагодарныхъ друзей и за безполезные труды, которые онъ предпринималъ ради любви къ нимъ. Потому что отправившись къ третьему своему другу, котораго никогда не уважалъ и котораго никогда не приглашалъ къ себѣ для участія въ обществѣ

6
вселии. Придя къ нему съ смиреннымъ и униженнымъ видомъ, онъ сказалъ ему: „я не смѣю даже разсказать тебѣ передъ тобой, будучи убежденъ, что ты не исполнишь меня когда либо благодарительствомъ или дружески заботы вѣщаешь о тебѣ. Но такъ какъ теперь меня постигло величайшее несчастіе и у остальныхъ моихъ друзей я не нахожу никакой надежды на спасеніе, то вольно и рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ съ просьбою, не можешь ли оказать мнѣ какую либо, хотя самую малую, помощь? О, не откажи мнѣ помочь мнѣ, исполни мое неразуміе!“

На это тотъ съ веселымъ и радостнымъ видомъ отвѣтилъ ему: „успокойся, кляну тебѣ, что я считая тебя самымъ близкимъ своимъ другомъ и исполнивъ твое какое-либо очень важное Благотворное сегодня возвращаю тебѣ съ лихвою. Не бойся ничего и не унывай, потому что я пойду впередъ тебѣ, именемъ тебѣ призываю царя и не предаю тебѣ въ руки твоихъ враговъ. Итакъ, любезный другъ, ободрись и не печалься!“ Тогда онъ, услышавъ, воскликнулъ со слезами: „огореченъ! О чемъ прежде возрыдалъ и о чемъ прежде восплачу! Поражать ли мнѣ себя за свое существо въ такое расположение къ безжалостнымъ, не-

благодарнымъ и лояльнымъ друзьямъ, или же угро-
жать себя за пачубное нерадуиѣ, съ которымъ
я относился къ этому несправедливому и влиятельному
другу?"

Первый друг есть обитатель жилищ и любовь къ богатству, изъ-за котораго человекъ впадаетъ въ безчисленныя опасности и переноситъ множество несчастий. Когда приходитъ послѣдній смертный часъ, то человекъ ничего не беретъ съ собою изъ вещей земныхъ богатствъ, кромѣ безполезныхъ рудимѣтв, необходимыхъ для погребенія. Второй другъ — это жена, дѣти и прочіе родственники и домашніе, съ которыми намъ бываетъ очень трудно разстаться, такую какъ мы столь сильно привязываемся къ неймъ своєю любовью, что изъ-за нее предпринимаемъ свою собственную душу и тѣло. Но никто не получилъ отъ нихъ никакой пользы въ смертный часъ, рабы только трудъ ея они проводятъ до могилы, да и то тотчасъ же возвратившись домой станутъ заниматься своими дѣлами, забывши, что они закрыли гробомъ тѣло некогда любимаго или человека. Наконецъ третій другъ, котораго мы предпринимаемъ и невидимъ, вступитъ съ которыми страшилась и любилась

сестъ совокупность добрыхъ друзей, т. е., въпрямь, надежда, любовь, милосердіе, человеколюбие и прочія добродѣтели, которыя могутъ идти передъ нами, когда мы разсуждаемъ съ тѣмъ, поминуться съ нами и управлять нами отъ враговъ и лютыхъ перемѣнъ, простигающихъ къ намъ горькое иррациональное совершенныхъ нами друзей и старающихся спасти насъ. Это сестъ другъ Благодѣтельный и добрый, который поминуть и также намъ Благодѣтелю и возвращаетъ насъ въ миръ и покой.

4. Критика огражденных одного
города, наглаголая предпосылать
въ него богатства лиловитного.

Воверять, сѣть одинъ большой городъ, гражда-
не котораго издавна и мѣломъ привыкли принимать
къ себѣ какого нибудь странствующаго и не-
знакомаго или челоука, совершенно незнаю-
щаго законовъ и обычаевъ или города и постав-
лять его царемъ. Поставленный такимъ об-
разомъ царь принималъ всю власть и внутре-
ннею поступалъ во всемъ по собственной
воли, но только въ продолженіе одного года.
Когда же проходилъ годъ, въ то время какъ онъ
жилъ не работавъ ни огнемъ и, безъ всякаго опасенія

наслаждаясь роскошью и удовольствиями, думая, что царство будет вечно принадлежать, - внезапно возставши против него и снявши с него царскую одежду, проводили его нагими по всему городу, а потом посадили в заточенье на одином отдаленный и большой остров, где он, не надевши ни пищи, ни одежды, принужден был страшно страдать от голода и жажды, и царь, удовольствия и веселость духа, которыми были достигнуты ему, кромя надежды, снова испытывал печаль без всякой надежды и ожидания.

Однажды, по привычке обаяно тихих граждан, выпущив на царство один мурок, одаренный великою острою чла, который не увлекались так нечаянно постигшими его страданиями и не подражая во зрелости царствовавшим прежде его и бывшим безжалостно измучившимся, стал с величайшею заботливостью и волнением думать о том, как бы ему лучше устроить свои дела. Пока он часто размышлял об этом, то узнал от одного мурчидиша своего товарища об обычаях граждан и об их неистовом и безрассудном измучивании и грезил это вероимочно научился, как должно ему обернуться себе. Узнав об этом, а так же и о том, что недалеко день, когда он должен будет отправиться на этот остров,

8
а свое случайное и чудное царство оставить другим, открыв свои сокровища, которыми он тогда самовольно и безрассудно распоряжался, взял множество денег, золота, серебра и драгоценных камней и, передавши все это впрямь своим муркам, послал их на тот остров, на котором он должен был поселиться в изгнании. По прошествии сродного года, граждане, поджавши мятежно отправивши его так же как и прежних царей, наглого в ссылке. И так прочие неразумные и кратковременные цари мучились страшным голодом; а он, проводя, при помощи наперед посланных богатств своих, жизнь в постоянном изобилии и пользуясь некоторым удовольствием, а не впрямь и хитрым гражданам прикидываясь большой трусом, скупцом, благодаря своему прелестному уму, блаженствовал.

Подъ городом должно раздумывать этого скупки и обманливого мурка; под гражданами - кляшется и алаем вневек и миролюбивей твоя внах сего, прельщающих нас своим удовольствием и приносящих великие и скорые переходящие испытания и наказания, как будто мы постоянно и вечно будем наслаждаться ими. Когда мы обольщаемся

таким образом и несколько не помышляя
о важности, и веселье предметов и не веря
никому для себя на будущую жизнь, вконец при-
ходит на нас смертная посылка. И вот то-
гда-то лукавые и жестокие граждане тьмы,
схватив нас, так как мы все время жили
по их воле, ведут отсюда нагими в землю
темную и мрачную, в землю тьмы аки, где
никогда света и где смертными неумолимо
видеть жизнь.

5. Притча о царь и его перволь-
соватникъ, наказывающая, что въ ра-
бство, хотя и представляется на-
видъ непривлекательною, но самомъ въ-
лн сестъ самая сладкая и приятная.

Былъ одинъ царь, который прекра-
но управлялъ своимъ царствомъ, былъ кротокъ
и снисходителенъ къ находившемуся подъ его
властью народу, и рабствовалъ лишь въ одномъ
томъ, что не шилъ свѣта богопокая, а
служилъ идоламъ. Но былъ у него одинъ добрый
советникъ, весьма украшенный благословенъ отъ
богу и велики прочими добродетельми. Скорбя
и не находя о рабствѣ царя и о томъ, что рабство
его, онъ все таки удерживалъ отъ этого, боясь, что
бы не казалъ гибель посылъ и своихъ друзей и не

уничтожить ту полбу, которую онъ приносилъ мно-
гимъ. Однако онъ не переставалъ некать влущая, когда
бы удобно было врагъ имъ его. И вотъ однажды
новью царь говоритъ ему: „пойдемъ, выйдемъ и по-
ходимъ по городу, не увидимъ ли где то нибудь по-
лезного.“ Когда они проходили по городу, то шли
лишь свѣта, идущий изъ одного оконца. По-
смотря на это оконце, они увидели подернутое,
похожее на перцу, жилище, въ которомъ сидѣлъ
человѣкъ, живущий въ крайней бедности, одетый въ
плотную одежду. Передъ нимъ стояла жена его, на-
мывавшая вино. Когда мужъ бралъ въ руки ста-
канъ, то она шла приятную пѣнь, улаживала
его всякою похвалой и похваляла. На-
ходясь въ это время съ царемъ, смотря на это
съ величайшимъ вниманіемъ, дивясь тому, какимъ
образомъ эти люди, живущие въ столь великомъ
нищетою, что не въ состояніи шить нибудя,
ни одеждъ, проводятъ жизнь свою такъ весело? Царь
и говоритъ первому своему советнику: „удивитель-
но, другъ мой, что ни для меня, ни для тебя наша
жизнь, хотя она и влещетъ такую славою и
нѣжностію, не была никогда настолько приятна,
на сколько эта ничтожная и полная нужды
жизнь предлагаетъ этимъ безразсуднымъ, пригнѣтымъ
и нечестнымъ и отчаяннымъ краемъ всемо

удобным и привлекательным"! Удививши удобную минутку первый советник сказал: „а тебе царь, какою кажется твоя жизнь?" Царь отвечал: „ну, вепь, какія я когда либо видѣлъ, она кажется мнѣ самою непріятною и жалкою, дремлющею проклятія и отаращенія!" Тогда говорилъ ему первый советникъ: „повѣрь мнѣ царь, что гораздо хуже наша жизнь кажется тѣмъ, которые видѣли и познали такую безмерную славу и тѣмъ влада, которые превосходятъ всякое похвалою. И золотомъ и драгоценія зданія и прекрасныя эти одежды и прочія удовольствія жизни кажутся противныя грязи и нечистотѣ тѣмъ, которые видѣли и познали небухнувшими руками соразнныя и богатырскія одежды и кетанкы епицы, которые проговариваютъ любящими бо твоему вепю и Господу Богу. Подобно тому какъ эти люди представляютъ намъ безумствующими, такъ же точно и еще гораздо больше тѣмъ, которые думаютъ въ этомъ мірѣ и наслаждаются себѣ ложною славою и шумною роскошью, кажутся дремлющими рыданами и селер дия тѣмъ, которые вкусили сладость оныхъ знаи."

Удивленный этими словами царь воскликнулъ: „кто же это тѣ, которые предпочитаютъ жизнь лучше нашей?" Первый советникъ

10
отвѣчалъ: „вепь тѣ, которые предпочитаютъ вѣчное временному". Когда царь снова пожелалъ узнать, что такое вѣчное, то самовникъ сказалъ: „царство, никогда не останавливаясь безъ косятника; жизнь, неподлежащая смерти; богатство, никогда не боящееся бедности; радость и веселье, неприметныя никакой печали и скорби; постоянный миръ, свободный отъ всякой непріязни и ссоры. Сподобившіеся наслѣдствовать великимъ дѣламъ, блаженны и паки блаженны, потому что они будутъ вѣчно проводить жизнь безъ труда и печали, безъ всякаго труда наша каждая великая удовольствія и прелестьми царства Божіе и со Божествомъ безконечно царствовать". Царь спросилъ: „кто же дремлюще почитаетъ все это?" „Вепь", отвечалъ советникъ, „которые идутъ ведущими туда тѣмъ; потому что входъ не восприметъ вепей, которые только мечтаютъ". Тогда царь сказалъ: „что это за люди, которые ведутъ туда?" Отвѣчалъ ему мужъ свѣтлаго ума: „познавъ единаго великаго Бога и Іисуса Христа, Единороднаго сына Его и Духа Святаго и Нисотворцаго."

Царь, одаренный дремлющею его сана мудростию, воскликнулъ: „да что препятствовало тебѣ до сихъ поръ повѣдать мнѣ объ этомъ? ибо это, кажется мнѣ, не дремлющею разсужденія и

уверую тебя въ любовь моей дочери и надеждника
всего моего семейства! Получаю такое надежде-
юноша превзойдетъ всехъ славныхъ умовъ и волею
людей.

Г. Кринича о молодости сердца.

Госадин скажи ~~мне~~ ~~каждому~~ историю: „так
как ты пришел освободить меня от эсенов-
го рабства дѣлаю, прости злодѣяние твое
до конца — уведи изъ темницы душу мою и,
увидавъ меня ея вѣдою, уведи отсюда, чтобы, из-
бавившись совершенно отъ мѣрекаго обольщенія, при-
нять мнѣ печать спасительнаго крещенія и бѣшь
обучникомъ дѣланія этой премудрости и вѣселаго
покаяна!“

Но Варнаамъ отвѣчалъ ему: „одинъ бо-
гъ и человекъ воспитывающъ молодую серну. Когда
она выросла, то, внимая естественнымъ инстинк-
тамъ, стала спускаться въ ущелье. Мыше-
ди однажды, она нашла стадо пастихихъ серн
и, присоединившись къ нимъ, стала бродить
по лугамъ и лѣсамъ. Къ вечеру она въдралась
въ долину, но рано утромъ, по недружелюбности
сернъ, снова ушла и опять присоединилась къ
дикимъ сернамъ. Когда стадо ушло пастихъ
далше, то и она потрѣбовала joiningъ. Вдругъ
богъ, драгадавший въ землю, сталъ на ко-
нѣхъ и по-

знаемъ вѣтъ за стадою, захвативши свою серну
и возвративши ее долей, они заперли ее веревками
выхода, остальное же стадо козъ и овецъ перевели, козъ
мало и убили. Я боюсь, чтобы подробно не случилось
намъ, если мы поспешимъ за мной; т. е. чтобы
я, имевши и такое сомнѣніе, не счелся
выковникомъ многихъ козъ для моихъ друзей и
важною похвалою для твоего оштра. Но такъ повелѣн-
ствъ Господь: нѣтъ убогаго не имѣяго возмѣнен-
наго крещенія и оставшаго на прежнемъ мнѣніи,
державъ всякаго зловоленія и непаченія раба
Бриетовыхъ. Когда же Мадраель възвѣстъ о томъ
наказать техъ время, тогда придетъ и къ намъ
и остальное время козъ и овецъ жизни проведемъ
вмѣстѣ. Уповаю на Господа, что и въ будущей
жизни мы останемся неразлучны.

